

УДК 316.422

О.К. Трубицын

**ФОРМИРОВАНИЕ КРЕАТИВНОГО КЛАССА  
И ЗАКАТ «ГОСУДАРСТВА РАЗВИТИЯ»**

*Рассматриваются некоторые проблемы процесса становления сетевого общества. Он включает в себя четыре основных аспекта – глобализацию, ослабление института национального государства, фрагментацию национальных обществ и подъем креативного класса. Сетевые структуры этого класса берут на себя основную роль в обеспечении национального развития, в то время как государственные структуры теряют эффективность в реализации такой задачи. Предпосылкой развития креативного класса является ослабление государственного вмешательства в общественную жизнь и децентрализация власти за счет развития федерализма.*

*Ключевые слова: государство, сетевое общество, креативный класс, утопия, идеология.*

В последние годы в практике менеджмента стали популярны попытки реформирования организационных структур корпораций, направленные на переход от строго иерархических структур к сетевым или близким к ним. Подобного рода трансформации происходят не только в коммерческом секторе, но затрагивают организации самого широкого ряда – от гражданских неправительственных организаций до государственных, включая сюда даже военные структуры. В английском языке в связи с этим появился неологизм *to network* (сетевизировать). Концепция сетевого общества произвела обобщение подобного рода тенденций и вывела обсуждение сетевизации на более высокий уровень. М. Кастельс [1] первым заявил, что сетевизация затрагивает не только отдельные организации, но ведет к сетевой трансформации общества в целом. Однако для самого М. Кастельса данные преобразования выглядят не имеющими фундаментального значения: сетевое общество – это лишь один из исторических вариантов капиталистической системы. Ряд других авторов, в частности А. Бард и Я. Зодерквист [2], А. Негри и М. Хардт [3], придали происходящим изменениям куда более масштабное историческое значение. Становление сетевого общества, по их мнению, означает переход от капитализма к новому обществу, фундаментальной трансформации социальных отношений в глобальном масштабе.

Авторский подход [4], основанный на критическом развитии идей указанных представителей концепции сетевого общества, предполагает, что в настоящий момент о сетевом обществе как о сложившемся факте говорить пока преждевременно, но существуют тенденции, направленные на реализацию данного плана-прогноза. В настоящее время процессы сетевизации включают в себя четыре основных аспекта – глобализацию, ослабление института национального государства, фрагментацию национальных обществ и подъем креативного класса. Эти процессы являются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Так, относительное ослабление роли национального

государства в организации социальных отношений связано с усилением роли транснациональных социальных субъектов – коммерческих (ТНК) и некоммерческих (транснациональные неправительственные организации).

Глобализация протекает крайне неравномерно. Отдельные территории или секторы экономики, отдельные предприятия какой-либо страны успешно включаются в международное разделение труда и получают выгоды от участия в глобальном рынке, в то время как другие оказываются неконкурентоспособными. Ослабление перераспределительной функции государства ведет к тому, что победители в конкурентной борьбе освобождаются от необходимости тратить на поддержку проигравших, следовательно, возрастает неравномерность развития в рамках страны. Фрагментация подразумевает, в частности, то, что постепенно все менее адекватным становится определение какой-либо страны в целом как развитой или развивающейся. Прежде эффективная модель анализа социальных отношений в глобальном масштабе, так называемый миросистемный анализ, становится все менее адекватной. Более-менее четкое разделение стран мира на страны ядра, полупериферии и периферии размывается. В развивающихся странах увеличивается число оазисов благополучия, изолированных от остальной территории страны и связанных больше с сетями других таких же анклавов богатства. Параллельно с этим в развитых странах появляются устойчивые зоны бедности и беззакония, своего рода вкрапления «третьего мира». Процессы глобализации, фрагментации и ослабления государства затрагивают все страны. Правда, проявления и последствия этого неодинаковы для стран, относительно развитых, и стран, не столь благополучных. Так, если в одних странах ослабление государства не сказывается негативно на общественной безопасности, то в других (исламских, прежде всего) ослабление государства доходит до его полной деструкции. В последнем случае вместо освобождения сетевых сообществ из-под власти государства происходит подпадание населения под власть неофеодальных образований, где господствует произвол полевых командиров.

Понятие креативного класса пока не получило достаточного социологического основания, в частности, отсутствуют четкие определения и перечень признаков принадлежности к данному классу. (Вообще, возможно, не вполне адекватным является определение креативных сетевых сообществ в качестве «класса» – социальной страты индустриально-капиталистического общества.) В некотором роде креативный класс похож на средний класс, который также сложно определить именно в качестве класса в изначальном смысле этого слова. Средний класс – это понятие больше политико-идеологическое, чем социально-экономическое, поскольку основным критерием его выделения служит его место в общественном потреблении, а не в общественном производстве. Понятие креативного класса в определенном смысле ближе к представлениям о классах, имеющимся в марксизме и классической политэкономии, так как основывается в первую очередь на его производительной роли. К его представителям относят, прежде всего, наемных работников, чьей основной производительной силой являются их уникальные творческие, интеллектуальные и эстетические способности. По мнению В.Л. Иноземцева [5], основным капиталом креативного производства становится именно человеческий капитал креативных работников, следовательно, эти работники теряют

«пролетарские» характеристики, в частности, их производительная деятельность не подвергается эксплуатации. Таким образом, сама по себе занятость работника в определенной сфере производительной деятельности еще не означает его принадлежности к креативному классу. Так же как человек, вручную изготавливающий сувениры для туристов, не является капиталистом, учитель, врач или инженер не становятся автоматически представителями креативного класса. Креативный класс – это своего рода «рабочая аристократия» творческих профессий, специалисты, крайне востребованные на рынке, чей вклад в обеспечение прибыльности предприятия значителен. Благодаря этому они обладают не только хорошим доходом, но и возможностью выбора, некоторой самостоятельностью по отношению к нанимателю. Развитие сетевых структур позволяет представителям креативного класса создавать самостоятельные производственные единицы, выступающие по отношению к капиталистическим корпорациям в качестве подрядчиков, а не наемных работников. Это еще больше повышает их самостоятельность по отношению к капиталистическим структурам.

Отсутствие четких определений и перечня признаков принадлежности к креативному классу делает затруднительными количественные социологические исследования, которые могли бы показать, где и сколько представителей данного класса проживает. В настоящее время об особенностях креативного класса, в том числе о географии распространения, как, впрочем, и о самом факте его существования можно судить лишь по результатам качественных исследований, прежде всего по опросам экспертов. Тем не менее некоторые вещи можно утверждать достаточно определенно: распространение его крайне неравномерно. Как уже говорилось, хотя глобализация, фрагментация и ослабление государства проявляются в странах ядра и периферии по-разному, они затрагивают, так или иначе, их всех, ведя в определенном смысле к размыванию границ между ядром и периферией. Однако четвертый аспект сетевизации – развитие креативного класса – затрагивает только страны ядра и лишь в небольшой степени страны полупериферии, тем самым способствуя сохранению различий между зонами. Этот аспект взаимосвязан с другими. Так, глобализация подразумевает формирование глобальных сетей креативного класса, а фрагментация – неравномерность его размещения, когда «креативным» можно назвать скорее какой-либо определенный город, чем всю страну, в которой он расположен. Новый класс концентрируется преимущественно в небольшом числе городов с хорошими жизненными условиями, причем далеко не всегда наиболее крупных.

Здесь возникает два основных вопроса: являются ли сетевизация в целом и формирование креативного класса в частности позитивными с точки зрения социальных последствий процессами и как можно этим управлять?

Креативный класс в силу сетевой практики его социальной организации склонен к тому, чтобы занять антиэтатистскую, вплоть до анархической, позицию в противостоянии этатистской и антиэтатистской тенденций в общественно-политической мысли. Не удивительно, что этот аспект сетевизации тесно связан с другими, в частности с ослаблением института государства. В связи с этим может возникнуть сомнение, полезно ли развитие креативного класса для общества в целом, если это способствует ослаблению государст-

ва? Основному аргументу его сторонников о необходимости его развития для обеспечения прогресса общества может быть противопоставлен опыт XX века, свидетельствующий об огромных успехах модели «государства развития». Так, в СССР, Германии и США в периоды острых геополитических противостояний именно государственные проекты обеспечили мощный научно-технический рывок. В СССР успехи были достигнуты исключительно за счет реализации государственных программ. Ученые проводили свои изыскания в соответствии с государственными заказами в рамках формальных иерархических организаций, т.е. совершенно без помощи сетевых креативных структур. Более того, нередко ученые занимались научным творчеством по принуждению органов безопасности в закрытых учреждениях. Критики креативного класса могли бы сказать, что ученые под контролем НКВД создали атомную бомбу и реализовали космическую программу, а креативные сетевики пока не дали ничего сверх тысячи первой марки шампуня и ее рекламы.

Действительно, процессы сетевизации имеют с точки зрения национальных интересов не только положительные, но и отрицательные стороны. Причем даже развитие креативного класса еще не гарантирует успеха для нации в целом. Его представители заняты не столько даже разработкой новых материальных продуктов и технологий или организаций материального производства, сколько производством символических продуктов, производством культуры в широком смысле слова, т.е. производством ценностей, мировоззрения, образа жизни людей. Сейчас существует только одна по-настоящему эффективная сеть – нетократическая. Это сеть постлибералов-постгуманистов, наследующая «традиции антитрадиционализма». Особенности «продаваемой» ими культуры – это, прежде всего, гедонизм и нигилизм в отношении традиционных ценностей. Последствия деятельности такого рода креативного класса по большей части разрушительны. Следствием ее становится ослабление национальной идентичности и солидарности, увеличение числа сексуальных девиаций, демографический кризис – депопуляция населения некоторых стран. Существуют, однако, и другие, альтернативные сети, конкурирующие с нетократической и пытающиеся «продать» обществу другие большие проекты, другие формы культуры и образа жизни, но не столь успешно.

Тем не менее развитие креативного класса необходимо, так как если нация не формирует собственный, национально ориентированный креативный класс, то она неизбежно становится объектом манипуляции извне. Но даже если креативный класс не является таковым, все равно лучше, если процессы сетевизации, практически неизбежные для любой страны, включают в себя процесс его формирования. Именно наличие на территории страны узловых центров пересечения сетей креативного класса, городов, где концентрируются его представители, позволяет нации извлекать некоторую пользу из увеличения сетевых потоков. В частности, здесь происходит так называемое «просачивание благосостояния вниз», когда из роста благосостояния представителей богатеющего класса косвенно извлекают выгоду остальные жители. Такая «эманация» благосостояния затрагивает в убывающей степени и жителей сопредельных территорий страны. Если же таких узлов нет, то происходит вымывание за пределы страны немногих имеющихся представителей креа-

тивного класса, следовательно, утрата способности нации к саморазвитию, лидерству, увековечивание технологической и культурной зависимости. Для периферийных стран это грозит закреплением в роли сырьевого придатка. Новые индустриальные страны, достигшие больших успехов в модернизации, без развития собственного креативного класса обречены на впадение в застой по достижении определенного уровня, выше которого подняться самостоятельно они не могут. Достигнув успеха за счет использования дешевой, квалифицированной и дисциплинированной рабочей силы, с одной стороны, и заимствования технологий, с другой, они так и остаются вечно «догоняющими», но не могут стать лидерами. Именно такой представляется судьба современной Японии (и, видимо, Китая в ближайшем будущем).

Примеры СССР и Японии, при всех различиях между этими странами, показывают ограниченность эффективности модели государства развития. Причем со временем коэффициент полезного действия государственных органов в этом вопросе становится все ниже. По всей видимости, в СССР были достигнуты пределы дееспособности этатистской модели научно-технического и культурного развития. Попытки осуществления масштабных прорывных проектов современным российским государством заведомо обречены на провал как вследствие общего кризиса модели государства развития, так и в силу частных причин – катастрофической коррумпированности и некомпетентности российской бюрократии. В связи с этим вызывают сомнение правительственные инициативы типа «Сколково».

Сейчас более вероятным успешным субъектом развития представляется не специальная государственная организация, а сетевые структуры креативного класса, наподобие тех, что сконцентрированы в Кремниевой долине в США. При этом государство, по сути, не в состоянии не только управлять деятельностью этих сетей, но и эффективно «производить» креативный класс. Для того чтобы сформировался человек с требуемыми качествами, государственные структуры мало годятся, и приказным порядком здесь ничего не добиться. Получается, что основной стратегией государства в этом вопросе остается следование принципу *laissez-faire*.

Как уже говорилось, для представителей креативного класса условия минимального государства являются вполне приемлемыми и желательными. Однако ослабление института государства, ведущее к отказу от социальных обязательств, негативно скажется на значительной части населения. Те слои населения, которые неконкурентоспособны в рамках креативной экономики, заинтересованы в сохранении сильного перераспределительного государства. Соответственно, консервативные политические круги и государственная бюрократия, чье положение также оказывается под угрозой, могут опираться на поддержку части населения, может быть даже большей.

Конфликт между старыми и новым классами может оказаться разрушительным для нации. Речь не идет о гражданской войне или чем-либо подобном. Мобильность представителей креативного класса создает угрозу быстрого оттока наиболее производительных в рамках новой экономики слоев населения, что ведет к потере конкурентоспособности российской экономикой и обществом в целом. С другой стороны, реализация нетократического варианта сетевого общества, предлагаемого А. Бардом и Я. Зодерквистом,

подразумевает «списание» неконкурентоспособных слоев населения и регионов. Далеко не все люди, даже, видимо, не все представители креативного класса будут комфортно чувствовать себя в минимальном государстве, полностью отказавшемся от выполнения функции социального обеспечения. Конфликт между классами и внутри креативного класса возможен также не только по поводу социально-экономических интересов, но и по поводу культуры, ценностей, образа жизни. Соответственно, возникает проблема – как избежать деструктивных последствий конфликта, перевести его в русло общественно полезного спора или соревнования.

Ни один из вариантов разрешения противоречия не будет в достаточной мере удовлетворительным для всех основных сторон конфликта. Победа любой из сторон может обернуться, в конце концов, тяжелыми последствиями для всех, включая победителей. Приемлемый компромисс на общенациональном уровне вряд ли достижим. В связи с этим стоит рассмотреть в качестве возможного варианта решения проблемы социальный проект Р. Нозика [6], так называемую базисную утопию ультраминимального государства. В нем предполагается, что государство в целом является либертарианским, т.е. является воплощением принципа *laissez-faire*, но в то же самое время составляющие его сообщества имеют право выбрать для себя любые правила социальной жизни. Так что, возможно, ни одно из сообществ, составляющих либертарное государство, не будет либертарным. В проекте Р. Нозика слабо разработан практический механизм реализации. Неясно, в частности, как должны определяться границы сообществ, принципы взаимодействия между ними. Вообще, понятие *сообщество* мало годится для описания форм общежития, построенных на механизмах централизованного контроля и перераспределения, которые по сути своей являются государственными. Так что если некоторые из сообществ выбирают для себя этактические принципы, то этим самым они сами неизбежно огосударствуются. Так что реалистичный вариант минимального государства, видимо, должен опираться на принципы федерализма: федерация с минимальной центральной властью, которая предоставляет субъектам федерации самим определять для себя параметры собственного социального устройства. Ограничения, конечно, неизбежны, но границы дозволенного могут быть чрезвычайно широки – от социалистической республики до либеральной конституционной монархии или теократии. Несомненно, такой вариант выглядит сейчас как чистая утопия, но можно надеяться, что его реализация станет приемлемым компромиссом между разными слоями населения и сторонниками различных взглядов – этактических и антиэтактических, традиционалистских и антитрадиционалистских. Создание в стране нескольких анклавов креативного класса позволит избежать вымывания этого слоя за пределы страны в перспективе ближайших десятилетий, когда установление благоприятного для него режима в рамках всей страны невозможно в силу сопротивления государственной бюрократии при поддержке остального населения.

#### Литература

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004.

2. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
3. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.
4. Трубицын О.К. Тенденции развития сетевого общества // Вестник НГУ. Серия. Философия. 2011. Т. 9, вып. 3. С. 80–84.
5. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М.: Academia – «Наука», 1998.
6. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008.